

Julia Garnysz

Lodz University

julia.garnysz@edu.uni.lodz.pl

ORCID ID: 0009-0000-2879-7427

Motif of memory in the poetry of Vera Pavlova

Abstract. The article examines the motif of memory in the poetry of Vera Pavlova, a contemporary Russian poet whose works range from intimate love lyrics to anti-war poems. While Pavlova's oeuvre has been studied by various scholars, the theme of memory has not yet been systematically analyzed. The study employs descriptive, intertextual, comparative, and biographical methods to identify key paradigms of memory in her poetry.

In Pavlova's early works, memory manifests in four main categories:

Memory of the poet after death (the exegi monumentum motif, referencing Horace, Lomonosov, Derzhavin, and Pushkin).

Memory of love and lovers, where recollections intertwine sensuality and painful experiences.

Preservation of cultural heritage through intertextuality (dialogues with antiquity, Acmeism, Akhmatova, and Tsvetaeva).

Memory of deceased loved ones, expressed in deeply personal, confessional verses.

In her later works, particularly in the collection *Line of Contact* (2023), which addresses the war in Ukraine, the motif of memory evolves into three key aspects:

Poetry as a means of documenting suffering (poems as "witnesses for the prosecution").

The desire to forget traumatic events alongside the realization of its impossibility.

The anonymity of war victims, which Pavlova counteracts by naming the dead.

The analysis reveals that Pavlova's portrayal of memory is dynamic: while early poems focus on personal experience, her wartime lyrics shift toward collective and politicized memory. She reinterprets classical motifs (e.g., exegi monumentum), embedding them in contemporary contexts. A notable contrast emerges between early and late depictions of memory—from a "miser" hoarding grievances to a "fly in amber," symbolizing the accidental yet eternal preservation of moments.

Keywords: Vera Pavlova, poetry, memory, war, intertextuality, exegi monumentum, anti-war poetry, cultural heritage, trauma, oblivion.

Юлия Гарныш

Лодзинский университет

julia.garnysz@edu.uni.lodz.pl

ORCID ID: 0009-0000-2879-7427

МОТИВ ПАМЯТИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотива памяти в поэзии Веры Павловой — современной русской поэтессы, чье творчество эволюционировало от откровенной любовной лирики до антивоенных стихов. Несмотря на то что Павлова уже становилась объектом литературоведческого анализа, аспект памяти в ее произведениях ранее не изучался системно. В работе применяются описательный, интертекстуальный, сравнительный и биографический методы, что позволяет выявить ключевые парадигмы памяти в ее стихотворениях.

В раннем творчестве Павловой выделяются четыре основные категории памяти: Память о поэте после смерти (мотив *exegi monumentum*, отсылающий к традиции Горация, Ломоносова, Державина и Пушкина).

Память о любви и возлюбленных, где воспоминания связаны как с чувственным опытом, так и с болезненными переживаниями.

Сохранение культурного наследия через интертекстуальность (диалог с античностью, акмеизмом, Ахматовой и Цветаевой).

Память об умерших близких, представленная в личных, почти исповедальных стихах.

В позднем творчестве, особенно в сборнике *Линия соприкосновения* (2023), посвященном войне в Украине, мотив памяти приобретает новые черты. Здесь автор выделяет три ключевых аспекта:

Поэзия как инструмент фиксации страданий (стихи как «свидетели обвинения»).

Желание забыть травматические события и одновременное осознание невозможности этого.

Забвение жертв войны, их анонимность, которую Павлова стремится преодолеть, называя имена погибших.

Анализ показывает, что восприятие памяти у Павловой динамично: если в ранних стихах она ассоциируется с личным опытом, то в военной лирике становится коллективной и политизированной. Поэтесса переосмысляет традиционные мотивы (например, *exegi monumentum*), вплетая их в современный контекст. Важным выводом является также контраст между ранними и поздними образами памяти: от «скареда», фиксирующего обиды, до «мухи в янтаре» — случайного, но вечного сохранения воспоминаний.

Ключевые слова: Вера Павлова, поэзия, память, война, интертекстуальность, *exegi monumentum*, антивоенная лирика, культурное наследие, травма, забвение.

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

Вера Павлова (р. 1963) – современная русская поэтесса и эссеистка, с высшим музыкальным образованием по классу истории музыки. Она начала писать, когда ей исполнилось 20 лет. К настоящему времени она выпустила 22 книги своих стихотворений. Первой из них был сборник Небесное животное, изданное в 1997 г., а последней Линия соприкосновения в 2023 г. [В. Павлова. Официальный сайт Веры Павловой. URL: (<https://www.verapavlova.ru/bio-1-1/>)]. В ранних произведениях ведущими мотивами её поэзии были телесность и любовь. Сила откровенности, а также сама тематика произведений, часто вызывали разногласия среди критиков и реципиентов. Некоторым её тексты очень нравились, но были и явные противники, которые считали, что её поэзия является «классификацией женских оргазмов» [5], а сама поэтесса «литературной стриптизеркой» [2]. Несмотря на противоречивые комментарии, поэзия Павловой все продолжает расширять круг внимательных читателей.

После начала войны в Украине поэтесса высказалась против военных действий и сразу уехала из России в США, а потом в Канаду. Сейчас она сочиняет антивоенные стихотворения [Голос Америки. Вера Павлова: «Вот кончится война, и я сожгу все эти стихи, я их забуду» // Интервью взятое у В. Павловой. URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=7MmJec9Wspk>)].

Творчество Веры Павловой заинтересовало многих исследователей и критиков, но никто не обратил внимания на присутствующий в них мотив памяти. Поэтому в нашей статье мы постараемся пристально рассмотреть именно этот мотив и проиллюстрируем наши наблюдения несколькими произведениями. В исследовании мы пользуемся описательным, интертекстуальным, сравнительным и биографическим методами.

Павлова, как и многие другие поэты, на протяжении лет задумывалась, как запомнят её после смерти. Свидетельствует об этом стихотворение, которое мы можем увидеть первым на ее электронном сайте:

*Река. Многоустронная ива.
Кузнечики. Влажный гранит.
На нём – полужирным, курсивом:
Здесь Павлова Вера лежит,
которая братья-славяне,
сказала о чувствах своих
такими простыми словами,
что кажется – вовсе без них*

[В. Павлова. Река. Многоустронная ива... // Официальный сайт Веры Павловой. URL: (Официальная страница поэтессы Вера Павлова)].

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

Стихотворение Павловой, как можно заметить, имеет форму эпитафии. Она пишет в нем, что хочет, чтобы после ее смерти люди помнили о ней, благодаря её поэзии. Поэтесса пользуется мотивом *exegi monumentum*, который распространился в русской литературе, благодаря переводу 30 оды Горация из книги III, осуществленного на русский впервые Михаилом Ломоносовым в 1747 г. Как справедливо заметила Анна Варда, многие поэты переводили эту оду, однако именно Ломоносов, Гавриил Державин и Александр Пушкин создали самые интересные и творческие версии этого произведения в XVIII веке и в первой половине XIX века. Исследовательница утверждает, что их переводы независимы друг от друга [10, с. 129–137]. Державин и Пушкин открыли для русской литературы две дороги эволюции мотива *exegi monumentum*: державинская замена «мифологических имен новыми географическими и автобиографическими координатами» и пушкинский «отказ от ритмического единообразия стиха и установлении особой иерархии смыслов посредством смены стихотворного размера в заключительных строках каждого из катренов» [8, с. 40]. Как известно, Державин в Памятнике оценивает значение своего литературного наследия, которое оставит для будущих поколений. Он верит, что после смерти его слава будет больше, чем при жизни, благодаря посвящению произведения Фелице – Екатерине II [10, с. 129–137]. В свою очередь произведение Пушкина, которое парафразирует Павлова в следующем выбранном нами стихотворении, представляет эсхатологическую вечность, объединяя две значительные концепции для творчества поэта: «стоическое христианское принятие-преодоление смерти и отождествление бессмертия души с творческим наследием» [7, с. 96]. Мотив *exegi monumentum* на протяжении лет не переставал пользоваться популярностью. Примерами поэтов, которые также обратили на него внимание служат Владимир Маяковский и Владимир Высоцкий [8, с. 42].

В рассматриваемом стихотворении Павловой мы отмечаем, что она строит память о себе посредством произведений. Интересно, что она хочет остаться в памяти не только русских реципиентов своей поэзии, но и всех славян (то есть как-то понимающих русский язык). Она хочет также показать, что является для нее самым важным в её поэзии, и благодаря чему реципиенты должны её запомнить. Так, оказывается, что самым важным, по ее мнению, в ее творчестве является простота и откровенность чувств, а также способность прямого, простого их выражения.

Павлова ссылается на мотив *exegi monumentum* также в следующем своём стихотворении, однако использует его в другом контексте. Ссылка на Горация появляется в ее произведении из сборника «Небесное животное»:

*Я памятник была нерукотворный
тебе.*

*Я память о руках твоих упорных
теперь,
ваятель мой! Мужское божье дело –
ваять.*

*А мне – свое крошить на буквы тело:
а – ять. [4, с. 18]*

В этом тексте лирическое «я» усиливает идею, что то, о чем следует помнить – это любовь, а любящие друг друга люди – это памятники любви. Однако «памятник нерукотворный» имеет здесь игривое значение, он не только ассоциируется с памятью, но также с физической любовью. Мужчина творит эту любовь, а женщина является её творением, а также памятью о мужских сексуальных достижениях. С другой стороны, она потом описывает половой акт и творит из воспоминаний о нём и пережитых эмоций стихотворение, она «крошит на буквы своё тело». Она не столько пассивная, – у нее другой вид участия в этом действии. Павлова здесь парафразирует Памятник Пушкина, в котором памятником была поэзия. Пушкин сам себе воздвиг памятник из своих произведений, благодаря которому память о нём останется среди будущих поколений. На первый взгляд, для поэтессы памятником является половой акт с мужчиной и его в нем участия, но это можно также рассматривать как метафору поэтического творчества. Мужчина принимает в нем роль божества, дающего вдохновение, а женщина – поэтесса переносит его на бумагу. Именно тело оказываются отправной точкой для разных поэтических размышлений. Эту концепцию подтверждают другие стихотворения из сборника *Небесное животное*. Метатекстуальный характер этого высказывания как раз относится к мотиву *exegi monumentum*, который в данном случае связан с оригинальным творческим методом поэтессы, который и должен стать причиной сохранения памяти о ней среди следующих поколений.

Связь памяти с чувством любви появляется также в стихотворении из сборника «Небесное животное»:

*Давай друг друга трогать,
пока у нас есть руки,
ладонь, предплечье, локоть,
давай любить за муки,
давай друг друга мучить,
уродовать, калечить,
чтобы запомнить лучше,
чтобы расстаться легче [4, с. 76].*

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

Цитируемое произведение указывает на то, что человек намного дольше сохранит в памяти любовь и легче перенесет разлуку, если этому чувству сопутствовали страсть, тактильные ощущения, а также другие, не до конца приятные для обеих сторон ситуации, которые остаются в памяти надолго. Однако именно они влияют на глубину отношений и надолго запоминаются. Можно предполагать, что это стихотворение имеет автобиографический характер. Творчество Павловой часто основанное на ее

личной жизни, о чем она прямо говорит в разных интервью. В разговоре с Линор Горалик она призналась, что по ее мнению память тесно связана с любовью и она помнит свои юные годы с момента, в котором важную роль стали играть мальчики [1, с. 131–145]. Кроме того поэтесса откровенно рассказывает, о многих мужчинах, которые присутствовали в ее жизни, особенно о своем первом муже – Андрее Шацком. Ее первое супружество не закончилось счастливо. Решение выйти первый раз замуж, она так подытоживает: «я вышла замуж, идиотка». Павлова не хотела этого брака, однако чувствовала к нему принуждение. Их совместная жизнь с Шацким не складывалась хорошо, и в конце концов он ее оставил больную с новорожденным ребенком [1, с. 131–145]. Поэтому мы предполагаем, что связь негативных эмоций с любовью, которую мы раскрыли в настоящем стихотворении, имеет в виду именно ранний опыт.

Очень интересные взгляды на память и разные эмоции, состояния находим в другом стихотворении Павловой:

*Память – скарред,
скупщик обид.
Жалость старит.
Злость молодит.
Ядом залит
дар аонид.
Слава старит.
Смерть молодит.*

[В. Павлова. Память – скарред... // URL: (<https://stihi-online.com/read/926>)]

Оказывается, что в памяти остаются самые тяжёлые эмоции. Мы лучше запоминаем ситуации, которые вызывают у нас бурю эмоций: обиду, злость, все то, что причиняет нам боль. А то, что хорошее, например признание или радостные ситуации мы быстрее забываем. Однако память – это не только позитивная сила, она имеет свои пороки, она «ядом залита», потому что предъявляет нам негативные эмоции и ситуации из прошлого. Стоит отметить, что в тексте появляется элемент из древнегреческой

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

мифологии – «дар аонид». Вспомним, что Аониды (три Старшие Музы) были богинями искусства, одна из них – Мнема – это муза воспоминаний [Карта слов. URL: (<https://tiny.pl/3qf1sp9v>)]. Именно с её даром сравнивает поэтесса память в этом стихотворении.

Важно отметить, что это не единственное стихотворение, в котором поэтесса поддерживает память о прошлом через интертексты. Во многих произведениях Павловой появляются ссылки на античные и акмеистические традиции. Об истоках творчества Павловой в антике и акмеизме уже писала Эва Садзиньска в статье Категория телесности в лирике Веры Павловой: к вопросу о её источниках [9, с. 149–155]. Исследовательница заметила, что взаимосвязь тела и слова у Павловой напоминают поэтику акмеизма, а сосредоточение на телесности приводит на ум античность [9, с. 149–155]. Литературный критик Д. Садыкова утверждает, что Павлова ведет постоянный диалог с Ахматовой [6]. Это особенно видно в стихотворении Воздух ноздрями пряла..., в котором в первой строке появляется Ахматова как ткачиха, во второй строфе Цветаева, которая встречает «птичий прилив», и в последней строке сама Павлова в образе русалки. Размещение упоминаний о поэтессах в тексте отражает их иерархию для поэтессы и то, что Павлова провозглашает себя наследницей Ахматовой и Цветаевой.

В творчестве Павловой можно заметить также воспоминания об умерших. Примером является стихотворение из сборника Небесное животное:

*Запомнила немного: как Камоша
меня за новорожденные груди
хватал, и было больно и обидно,
а позже – непонятно, почему
девчонки говорят, что неприлично
так тесно танцевать медленный танец
с Камошей. Кстати, ведь Камоша умер.
Боле л плевритом, умер. Белый танец.
Я, как всегда, Камошу приглашу [4, с. 85].*

Стихотворение напоминает по своей форме обычные воспоминания людей, приводимые среди разговоров, в которых нет гипербол и множества других стилистических средств. Простыми словами передается ситуация, в которой умерший – Камоша принимал участие, с акцентом на том, как запомнила этот момент лирическая героиня и какие у нее были тогда эмоции. Несмотря на то, что с ним связано неприятное воспоминание,

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

постыдная ситуация, лирическая героиня думает о нем положительно : «Я, как всегда, Камошу приглашу». Мы замечаем, что смерть в этом произведении появляется неожиданно. Поначалу стихотворение заставляет предположить, что главной темой будет созревание и сложные отношения между девушками и парнями в это время. И вдруг, совершенно неожиданно вводится информация о смерти юноши. Способ введения информации о смерти напоминает, что такие трагедии происходят в реальной жизни. Ведь никто не ожидает болезни и смерти юноши.

Тут стоит обратить внимание также на нетипичное имя друга. В словаре, который поэтесса добавила в конце сборника Четвертый сон, находим информацию, что Камоша это прозвище созданное на основании имени и фамилии юноши – Миши Камовникова. С другой стороны, следует вспомнить, что имя Камош происходит от древнего божества, которое упомянуто в Библии. Камош, Кемош был богом моавитян. Поначалу верующие считали его богом солнца, а потом богом войны [P. Drzyzga. Kemosz. URL: (<https://biblia.wiara.pl/doc/1876515>)]. Ссылка на Библию является следующим удивительным элементом стихотворения. Можем предполагать, что имя Камоша в этом контексте – это обращение к солнцу, которое показывает, что воспоминание о умершем друге, как солнце, является неотъемлемым в жизни поэтессы.

Сверх того, мы решили учесть в анализе стихотворения с новейшей книги Павловой Линия соприкосновения, так как они позволяют глубже понять парадигму памяти в творчестве поэтессы. Линия соприкосновения разделена на три части: I Довоенные стихи, II Военные стихи, III Мирные стихи военного времени. Особенно интересный взгляд на рассматриваемый нами мотив появился во второй части, в которой стихотворения озаглавленные последовательными номерами, как в большом цикле. Линия соприкосновения выделяется среди других сборников Павловой, тем, что она не сосредоточена на личной жизни поэтессы, а больше связана с другими людьми. Подтверждает это стихотворение номер 102: «Сорок лет писала своей кровью. / Сто пятьдесят дней пишу чужой» [3]. Перед собой она ставит задачу собирания доказательств о трагедиях войны. Творчество это способ продолжения памяти об этих событиях и способ обвинения виноватых: «стихотворения / станут и, может быть, скоро / свидетелями обвинения, / помощниками прокурора» [3]. Поэтесса считает, что благодаря ее раннему поэтическому мастерству и построенному методу – «SOСреализм» , когда началась война в Украине, она была в состоянии собирать свидетельства и сохранять память о страдании. Она признается в этом, как и посредством метафор в своих произведениях, так и прямо в интервью [TV2media. Я чувствовала приказ:

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

пиши, пиши | поэт Вера Павлова, // Интервью взятое у В. Павловой, URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=aVaUojsbY0Y>]). В 28 стихотворении появляется интертекстуальная связь с «SOSреализмом», который из-за войны превратился в «SOSстрадание», а поэтесса как ученик раньше сделала уроки, подготовила школьные принадлежности и сейчас она готова, чтобы «смотреть, как умирает мир» [3]. Мы сразу отмечаем, что миссией Павловой является сохранение памяти о происходящем, с другой стороны в ее произведениях появляется также желание, чтобы забыть о травматических событиях. Лирический субъект в 101 стихотворении хочет будущее учебники истории лишить этого периода. Но в 98 декларируется, что нет возможности забыть такой трагедии, даже если этого хотим: «нет, не вымыть из глаз / мальчиков кровавых, / девочек кровавых» [3]. Кроме того, Павлова заставляет своих читателей подумать, о чем они помнят из войны и стоит ли точно об этом помнить. Мы узнаем это в стихотворении 111:

*Можем, военкоры-неофиты,
«Хаймарс» отличить от «Урагана».
Пушки популярны, имениты.
Пушечное мясо безымянно.
Изучаем глубину воронки
на отличном спутниковом снимке,
а в глухой глубинке похоронки
получают вдовы-анонимки [3].*

Поэтесса показывает, что в наше время многие заинтересовались темой войны почти как военные корреспонденты, они в состоянии отличать разные виды оружия, обращают внимание на последствия для окружения, такие как воронка, а все жертвы анонимные, им не уделяется внимания. Павлова пользуется интертекстами, приводит названия, которые известны всем, чтобы подчеркнуть контраст между забытыми страдающими людьми, а тем, что вызывает наш интерес. Основой этого стихотворения является именно контраст, который проявляется также в игре слов – сопоставлении глубины воронки с похоронами в глубинке.

Это не единственное стихотворение, в котором появляется тема анонимности жертв и забвения о пострадавших. В 39 обращено внимание на «массовку хроники», на войне нет личности, не запоминаем кто точно умер, какая была его фамилия: «А упал, пропала Б, / и не хочет знать история, / что осталось на трубе / полевого крематория [...]» [3]. Однако замечаем, что Павлова пытается бороться с этим явлением посредством

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

поэзии. Стихотворение 101 закончено перечислением имен убитых детей, взятых из выпусков новостей: Саша – мальчик, который пытался уплыть на лодке, Лиза – девочка с особенностями в коляске, Кира – жила в Одессе [К. Ларина. Вера Павлова о поэзии как попытке осмысления войны. // Интервью взятое у В. Павловой, The Insider Live, URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=Jq6jaO-7tec>)]. Это имена естественных жертв, которые благодаря стихотворению не будут анонимными и забытыми.

Последнее стихотворение 182, которое мы выбрали для анализа из сборника Линия соприкосновения, напоминает своей формой выше рассмотренное произведение Память – скаред.... Поэтесса снова решила охарактеризовать память:

*Память – муха в янтаре.
Музы versus пушки.
В классе – Пушкин. Во дворе –
считалки и частушки.
Аты-баты, «самовар»,
ампутант Попасной.
Прятки. Салки. Жмурки. Дар
случайный, дар напрасный [3].*

Видно, что спустя годы у Павловой поменялся образ памяти. Раньше она была определена как скаред, а в настоящем стихотворении как «муха в янтаре», это вызывает ассоциации бессмертием. Янтарь это прекрасный камень, часто используемый в ювелирных изделиях, муха в нем нашлась случайно и так осталась навсегда, как вещи в нашей памяти. Во второй строке, что-то доброе, прекрасное – музы, сопоставлено с тем, что может убить человека. Поэтесса перечисляет разные контрастирующие друг с другом воспоминания, показывая, что человек запоминает случайные вещи. Идею стихотворения подчеркивают слова: «дар / случайный, дар напрасный» [3]. У реципиента может вызвать шок размещение за детскими считалками украинского города, который сильно пострадал из-за боевых действий. Однако, именно так выглядит память, в ней наравне воспоминания с детских времен, трагические события, что-то смешное и что-то серьезное. Эта характеристика сильно отличается от парадигмы памяти в стихотворении Память – скаред.... Как мы заметили выше, там воспоминания касались в главной мере негативных эмоций и событий.

Подводя итог, можем сказать, что парадигма памяти у Павловой реализуется на разных уровнях. Результаты сделанного нами анализа позволяют сделать вывод, что мотив памяти в творчестве поэтессы

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

сложный и его концепция меняется со временем и условиями. Рассматриваемый нами мотив имел другую характеристику в ранних стихотворениях и в последних. Наверно это касается возраста поэтессы и ее опыта. Однако повлияли на это также политические условия, так как последние стихотворения сильно связаны с войной в Украине. Среди проанализированных в настоящей работе стихотворений выделяются два с очень похожей формой, которые прямо пытаются охарактеризовать память: написанное раньше – Память –

скарעד... и опубликованное в последнем сборнике – Память – муха в янтаре.... Привлекает внимание факт, что более пессимистическим является первое произведение, в котором память представлена, как сила, сосредоточивающая на негативных чувствах и событиях. В свою очередь в военном стихотворении в памяти оставались случайные вещи, как отрицательные, так и положительные.

Вместе с тем следует отметить, что даже на пространстве одного сборника меняются черты памяти. Самые значительные изменения мы заметили в Линии соприкосновения. В одном стихотворении лирический субъект хочет забыть о травматических, военных событиях. В другом появляется мнение, что нет возможности забыть так ужасающих сцен, даже если хотим. Еще в следующем подчеркивается, что сохранение памяти о потрясениях войны – обязанность поэтессы. Ей надо зафиксировать все, что происходит, собирать свидетельства зверств. Сказанное заставляет полагать, что когда появляются настолько сильные эмоции, как во время войны, отношение с памятью часто меняется. Человек, с одной стороны, хочет помнить и понимает, что это важно, но с другой стороны ему легче было бы забыть.

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод, что поэтесса представляет мотив памяти, обращая внимание на несколько аспектов. Среди них можем выделить: память о поэте после смерти (мотив *exegi monumentum*), память о любви и любовниках, сохранение культурного, литературного наследия при использовании интертекстов и память о близких умерших, которая является неотъемлемым компонентом жизни. Парадигма памяти о поэте после смерти с использованием мотива *exegi monumentum* очень востребованная в поэзии. Однако, мы заметили, что в этом контексте поэтесса выделяет самые важные черты для своего творчества. Мотив *exegi monumentum* появляется также в более нетипичной обстановке – в любовном контексте. В связи с любовными воспоминаниями стоит подчеркнуть, что у Павловой это не только позитивные чувства, но также страсть и негативные опыты. Мы предполагаем, что на представление любовных воспоминаний повлияла

Гарныш Ю. Мотив памяти в стихотворениях Веры Павловой

личная жизнь поэтессы. Следующим аспектом мотива памяти, который мы выделили, являлось сохранение культурного, литературного наследия при использовании интертекстов. На основании трудов других исследователей мы знаем, что Павлова ведет постоянный диалог с античностью и акмеизмом.

Важной для нашего исследования считаем также парадигму памяти в военных стихотворениях, она также многоаспектна. Во-первых, мы выделили мотив творчества, которое сохраняет память о страдании и собирает свидетельства вины. Во-вторых, появляется мотив желания забыть о травматических событиях и невозможности это сделать. Последний обнаруженный нами мотив связанный с памятью – забывание о жертвах и их анонимность. В итоге, наш анализ показал, что Павлова не принимает анонимность пострадавших и сохраняет память о них в стихотворениях.

Литература

1. Горалик Л. Частные лица. Биографии поэтов, рассказанные ими самими. – Москва: Новое издательство, 2013. – 131–145 с.
2. Дементьев В. Похабница из Нью-Йорка // Русский Север. – 2005. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verapavlova.ru/vadim-dementev-pohabnica-iz-nyu-jor> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Павлова В. Линия соприкосновения. – Нью-Йорк: Freedom Letters, 2023.
4. Павлова В. Семь книг. – Москва: Эксмо, 2011.
5. Русс А. Горький хлеб писателя // Новый мир. – 2007. – № 7. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nm1925.ru/articles/2007/200707/kotoraya-nikomu-2084/> (дата обращения: 16.01.2024).
6. Садыкова Д. Три стихии // Дети Ра. – 2014. – № 5 (115). [Электронный ресурс]. – URL: <http://detira.ru/arhiv/publication.php?id=10589> (дата обращения: 07.03.2024).
7. Стебенева Л. В. «Бессмертие души моей. . .»: к вопросу о генезисе пушкинского стихотворения «я памятник себе воздвиг» // Проблемы исторической поэтики. – 2013. – № 11. – С. 93–107. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bessmertie-dushi-moey-k-voprosu-o-genezise-pushkinskogo-stihotvoreniya-ya-pamyatnik-sebe-vozdvig> (дата обращения: 03.06.2025).
8. Шатин Ю. В. Exegi monumentum: от оды к исповеди. Изменение сюжетного кода // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 39–46. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/exegi-monumentum-ot-ody-kispovedi-izmenenie-syuzhetnogo-koda> (дата обращения: 03.06.2025).

9. Sadzińska E. Категория телесности в лирике Веры Павловой: к вопросу о ее источниках // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica*. – 2012. – № 5. – С. 149–155.
10. Warda A. О поэтической рефлексии Г.Р. Державина над своим творчеством // *Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс* / ред. Z. Куса. – 2021. – (с. 129–137). Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. – С. 129–137. [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.18778/8220-520-6.10> (дата обращения: 03.06.2025)

References

1. Goralik, L. (2013). *Chastnye litsa. Biografii poetov, rasskazannye imi samimi* [Private persons: Poets' biographies told by themselves]. Novoe izdatel'stvo.
2. Dement'ev, V. (2005). *Pokhabnitsa iz N'yu-Yorka* [The shameless woman from New York]. *Russkij Sever* [Russian North]. Retrieved February 19, 2024, from <https://www.verapavlova.ru/vadim-dementev-pokhabnica-iz-nyu-jor>
3. Pavlova, V. (2023). *Liniya soprikosnoveniya* [The line of contact]. Freedom Letters.
4. Pavlova, V. (2011). *Sem' knig* [Seven books]. Eksmo.
5. Russ, A. (2007). *Gorkij khleb pisatelya* [The writer's bitter bread]. *Novyj mir* [New World], 7. Retrieved January 16, 2024, from <https://nm1925.ru/articles/2007/200707/kotoraya-nikomu-2084/>
6. Sadykova, D. (2014). *Tri stikhii* [Three elements]. *Deti Ra* [Children of Ra], *5*(115). Retrieved March 7, 2024, from <http://detira.ru/arhiv/publication.php?id=10589>
7. Stebeneva, L. V. (2013). «Bessmertie dushi moej...»: k voprosu o genezise pushkinskogo stikhotvoreniya «Ya pamyatnik sebe vozdvig» [“The immortality of my soul...”: On the genesis of Pushkin's poem “I erected a monument to myself”]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 11, 93–107. Retrieved June 3, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/bessmertie-dushi-moey-k-voprosu-o-genezise-pushkinskogo-stikhotvoreniya-ya-pamyatnik-sebe-vozdvig>
8. Shatin, Yu. V. (2019). *Exegi monumentum: From ode to confession. The change of plot code*. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2, 39–46. Retrieved June 3, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/exegi-monumentum-ot-ody-kispovedi-izmenenie-syuzhetnogo-koda>
9. Sadzińska, E. (2012). *Kategoriya telesnosti v lirike Very Pavlovoj: k voprosu o ee istochnikakh* [The category of corporeality in Vera Pavlova's lyrics: On the question of its sources]. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica*, 5, 149–155.
10. Warda, A. (2021). *O poeticheskoy refleksii G.R. Derzhavina nad svojim tvorchestvom* [On G.R. Derzhavin's poetic reflection on his own work]. In *Voprosy semantiki i stilistiki teksta: lingvisticheskij diskurs* [Questions of semantics and text stylistics: Linguistic discourse] (pp. 129–137). Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. <https://doi.org/10.18778/8220-520-6.10>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА

LITERARY CRITICISM: A MODERN PARADIGM

Научно-теоретический журнал

2025. № 1. Дата выхода: июль 2025 года.

© Национальный университет Узбекистана имени Мирзо
Улугбека, 2025. Все права защищены.

За содержание публикаций и высказанные позиции
исключительную ответственность несут авторы публикаций.
Редакция оставляет за собой право публиковать материалы в
дискуссионном порядке, не разделяя отдельных позиций авторов.